

Ольга Хомич-Журавлёва

Сталинград

Фантастическая повесть

Ольга Хомич-Журавлёва
Сталинград.
Фантастическая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11952539

ISBN 9785447424015

Аннотация

Альтернативная реальность. Что было бы, если бы можно было переписать историю и спасти сотни и сотни жителей легендарного города-героя, полностью разрушенного во время Великой Отечественной войны? Что и попытается сделать простая волгоградская девушка, по роковому стечению обстоятельств попавшая в прошлое, в самые трагические дни Сталинграда.

Содержание

Часть первая.	6
Часть вторая.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сталинград

Фантастическая повесть

Ольга Хомич-Журавлёва

© Ольга Хомич-Журавлёва, 2024

ISBN 978-5-4474-2401-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая.

Сквозь туман

От сердца к сердцу.

Только этот путь

я выбрала тебе. Он прям и страшен.

Стремителен. С него не повернуть.

Он виден всем и славой не украшен.

Ольга Берггольц

Наташа шла по ночному городу, сжав зубы от обиды и страха. «Гад, Цыплаков! Гад, Цыплаков!..» – в такт шагов пульсировала мысль. Девушка была похожа на съездившегося птенчика. Хорошо, что куртку догадалась теплую надеть – а то непременно бы сейчас вся замерзла. Обычно ей теплая куртка ни к чему. Ее парень – теперь, конечно же, уже бывший, – приезжал за ней на новенькой «Хонде», так что она всегда прыгала к нему в машину из дома в легких курточках, из машины – сразу в клуб. Но на этот раз, всегда невозмутимая маман, прицепилась как банный лист, мол «на улице примораживает, а ты с голой попой». И не голая попа вовсе – ультра модными слаксами стрейч прикрыта, а на попе еще по кожаному карману. Да и на ногах зимние лаковые ботфорты. «Нет, девочка я – что надо! Блин, холодно только». Ну, получилось так – поссорилась она с Пашкой. А гад этот

психанул, выскочил из клуба и усвистал на своей «Хонде». Ну и как одинокой девушке, в пол четвертого ночи домой добираться? Как на зло, и мобильник сдох – такси не вызвать. В общем, кругом – полный аут.

Девушка методично шагала по Невской улице, стараясь ни о чем не думать. Наташа искренне и до глубины души не любила свой город Волгоград. Ни-ког-да! Мерзкий, противный монстр! Большая деревня! Ни одного приличного парня. Как она злилась, когда мама непустила ее поступать в институт в Москву. Столица – вожделенный город, мечта ее жизни, где она непременно нашла бы свое истинное счастье. Ничего, вот закончит этот триклятый универ, и укатит в Москву! Вот где откроются перед ней перспективы! А здесь... Какой-нибудь раздолбай, типа Пашки и «светит».

Злость на окружающую действительность нарастала: «Тротуар мокрый, хотя морозит и туман сгущается, только этого не хватало» – непроизвольно фиксировал мозг девушки. Туман действительно начал сгущаться нешуточный. «Надо бы поближе к домам прижаться, а не то какой-нибудь придурок на машине собьет».

Наташа свернула на тротуар. Неожиданно под ногами блеснул лед и девушка, споткнувшись, больно упала в огромный жесткий сугроб.

«Вот, блин! Откуда здесь снег? В этом году его почти и не было. А последние несколько дней вообще дождь моросил. – Изумилась Наташа. – Пипец, чо так холодно то! Дубак прямо!»

Тело буквально сковало жестоким морозом. Наташа с трудом поднялась из сугроба, отряхнулась и чуть снова не рухнула в снег.

– Пипец! – только и вырвалось из леденеющих губ ошалевшей от изумления девушки.

Вокруг нее в сиянии луны, раскинулись на сколько хватало взгляда, руины зданий, запорошенные сугробами снега. Слух уловил дальние громовые раскаты и звуки приближающихся двигателей самолетов.

Наташа усиленно зажмурила глаза, но, открыв их, она увидела все тот же пейзаж разрушенного города. Звуки взрывов приближались. Стало безумно страшно и совсем нестерпимо холодно. Но девушка, оцепенев, снова едва не упав в сугроб, не могла сделать ни одного шага.

Земля задрожала от взрывов. Неожиданно, кто-то схватил девушку за руку и потащил за собой.

– Ненормальная! Сейчас же тебя – в клочки! – вопил кто-то на ухо басом, сквозь завывшую канонаду...

Открыв глаза, Наташа обнаружила себя сидящей в тускло освещенном подвале, на горе матрасов, завернутой в пыльное ватное одеяло. Хотела брезгливо сбросить его, но уж больно тепло стало продрогшему насквозь телу и девушка решила потерпеть. А куртку потом можно и в машинке постирать. Снаружи гудели удаляющиеся взрывы.

Напротив Наташи сидел парень, замотанный в ободранные обмотки. «Похоже бомж» – поежилась девушка.

– Очухалась? Ну, ты ненормальная! Кто же по улицам ходит? Вот больная на всю голову! И раздета совсем. На улице морозище, а она... Жить что ли совсем надоело? – психовал бомж. – Странно ты одета – на лошади, что ли ездешь? В кавалерии воюешь?

Наташа не стала отвечать на дурацкие вопросы – откуда этому бомжу знать, что ботфорты – просто модная обувь. Брезгливо отхлебывая из мятой кружки кипятка, и слушая раскаты удаляющихся взрывов, девушка спросила:

– Когда же успели Невскую улицу разрушить? Это взрыв бытового газа?.. Вроде же только что все в порядке было. Я же точно помню: я шла по улице, вокруг сгустился плотный туман, я упала... А потом все это... И снег!.. Столько снега! Да в этом году в Волгограде его вообще почти не было! И мороз!.. Только что тепло было... Ну, зябко, но не до такой же степени!!! А может... меня машина сбила и это мой предсмертный бред?.. – девушку заколотило

в ознобе.

Бомж исподлобья посмотрел на девушку:

– Какой Волгоград? Ты чего плетешь? Нет такого города в природе! Не, ты точно на голову больная. Или диверсанта?

– Как нет Волгограда? – возмутилась Наташа, – да вот же, у меня и паспорт с собой и студенческий! Сам знаешь, сейчас по городу до двадцати одного года без паспорта ходить нельзя, вот и приходится таскать с собой... Хотя, может ты и не знаешь, у вас у бомжей, все по другому.

Бомж, не слушая лихорадочную болтовню девушки, взял из ее рук паспорт и уставился, на него, как баран на новые ворота:

– Это что?

– Паспорта, что ли не видел?

Бомж достал из обмоток маленькие темно синие корочки, протянул их девушке:

– Вот это – паспорт. А у тебя, что, приглашение на карнавал? Фото цветное...

Некоторое время они изучали паспорта друг друга.

Первым нарушил тишину бомж:

– Туман, говоришь? – его глаза лихорадочно заблестели.

Наташа тоже оторвала глаза от корочек:

– Это что, шутка? Да? Ты мне дал паспорт твоего прадеда?

Вот ведь – дата рождения 1921 год. А почему фотка твоя?

И паспорт новый... грязный только...

Бомж вскочил и быстро зашагал по подвалу туда – обратно, не мигая глядя на девушку:

– Значит, говоришь, туман... Ага... Это в жуткий мороз – то... При неизменной температурной амплитуде?... Ага... Подобную гипотезу высказывали многие, но чтобы она воплотилась в реальности... Уникально!.. Вот что, – он заглянул в паспорт, – Наташа, покажи кА, что там еще есть в твоей сумочке?

Девушка, ничего не понимая, оторвала взгляд от паспорта:

– Да так, ерунда всякая... Если вам нужны деньги, то у меня не много – вот, пара сотен, да мелочь...

Бомж с горящими глазами рассматривал денежные купюры.

Наташа усмехнулась:

– Ну, возьмите их себе.

– Еще что? – не обращая внимания на презрительный тон девушки, спросил бомж.

Девушка начала выкладывать на ящик, возле керосиновой лампы содержимое лаковой сумки – салфетки, косметичку, разные мелочи, которые могли бы ей пригодиться в течение дня.

– А это что?

– Мобильник. Телефон такой.

– Или ты все же шпионка...

– Ага, а ты балерина. Че, неужели мобильника не видел? Не думала, что еще есть такие. Удобная вещь, между прочим. Жаль – сдох... О, смотри, у меня же подзарядка с собой! Ой, вот ведь я умница! Точно! Я же думала, что у Пашки ночевать останусь, вот и набила сумку всякой нужной ерундой. Сейчас сотовый зарядим и я маме позвоню... Нет, сначала такси вызову... Где у тебя тут электрическая розетка?

– Нет у нас электричества, и уже очень давно, – бомж снова пристально смотрел на девушку, но уже без подозрения, а в глубокой задумчивости. – Наташа, не суетись. Давай рассуждать логически. В твоём, с позволения сказать, документе, есть очень интересные цифры – 2009 год.

– Ну, да, мне же двадцать стукнуло, пришлось, как понимаешь, новый паспорт получать. Вот, два дня назад и получила. А до того все некогда было – новогодние праздники, то, да се...

Бомж сделал перед лицом девушки закругляющий жест рукой, и как можно терпеливее произнес:

– Наташа, ты хочешь сказать, что два дня назад было двенадцатое января две тысячи девятого года?

– Ну да, а сегодня пятнадцатое... А ты что, сомневаешься?

– То, что пятнадцатое – согласен. Но только тысяча де-

вятьсот сорок третьего года. Понимаешь? Доходит до тебя?

Повисла пауза.

«Псих, что ли? – мелькнула мысль у девушки. – Сколько фильмов ужасов про таких раньше смотрела... Во влипла».

Но весь интеллигентный вид парня говорил, что он вполне приличный человек. И тут ее осенило:

– А! Пипец! Только щас до меня дошло! Ты участник ролевых игр? Ну, конечно же!.. И вы разыгрываете последние дни фашистской оккупации Сталинграда? Так вот почему там камни валялись! Это бутафория, а вокруг дома завесили плакатами с имитацией разрушенных домов? Слушайте! Как все похоже-то! Ну, прям настоящая реконструкция! А я то уж подумала, что у меня крыша съехала...

Парень, слушая нервную болтовню девушки, налил ей сварившегося мясного супа:

– Есть хочешь? – девушка кивнула. – На, поешь и успокойся немного. Меня, кстати, Эм зовут – Эммануил, значит, выпускник физмата. Ты пока ешь, а я говорить буду... С одной стороны можно подумать, что это у меня самого крыша съехала, не выдержав всего того, что я пережил за последнее время... – Он методично шагал перед усиленно жующей ароматное мясо, девушкой, словно университетский препод. – Но с другой стороны, вот, передо мной вполне реальный, осязаемый человек – девушка, в странной одежде, чистая, даже духами от нее пахнет. Перед ней лежит сумка с необыкновеннейшим содержимым. И неоспоримый аргу-

мент – потешный паспорт. Исходя из того, что я абсолютно точно знаю, где нахожусь, а девушка – нет, я могу сделать вывод, что Наталья, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года рождения, каким-то образом попала в прошлое. Причем, заметь, в самое паршивое прошлое, где она каждую минуту подвергается смертельной опасности. – Он остановился и снова уставился на Наташу.

«Придурок. Целую комедию разыграл». А вслух сказала:

– Забавно тут у вас. А где остальные? – Парень не отвечал. Видно было, что в голове у него шел бурный мысленный процесс, переваривая только что сказанное им самим. – Ладно. За супчик спасибо – соли только не хватает, а так – очень вкусный. Ну, все, я согрелась. Давай мобильник зарядим. Где розетка – то? Покажешь уже, наконец, или нет?

– Ты мне не веришь? – Эм удивился, что девушка не понимает элементарных вещей. – Пойми, ты оказалась в другом времени, хочешь ты того или нет! Сейчас сорок третий год, кругом война и смерть...

– Ага, и мертвые с косами стоят. Ты еще скажи, что у вас голод, – усмехнулась Наташа.

– Не представляешь, какой, – мрачно насупил парень.

– Слушай, тебе надо было не физмат заканчивать, а театральный. Судя по шикарному супчику, можно предположить, как вы голодаете, – хихикнула Наташа.

Эм зло сжал зубы, а потом процедил:

– Понравился?

– Безумно!

– Пойдем еще мяска добудем для следующей порции?

– А пойдем! – Девушка сбросила с себя одеяло и тут же почувствовала, как ее тело схватил жесткий холод, и она снова укуталась, проворчав, – могли бы и отопление включить.

Эм очень сосредоточенно, молча сопя, замотал ее в рваное одеяло по плотнее какой-то тряпкой, наподобие платка. Сначала вокруг шеи, затем крест на крест на груди и завязал ветошь на спине. Вокруг лица тоже обвязал одеяло, закрепив узел под подбородком.

«Ну и чучело же я – хихикая думала Наташа. – Да, реконструкция – забавное дело! Потом девчонкам расскажу, вот поржем. Ладно, развлекусь, все равно завтра пар нет».

– Нигде не дует? Строго спросил Эм, обматывая кусками одеяла ее лаковые сапоги.

– Не, я словно в коконе.

– Смотри, а то окоченеешь. Потопали.

Дождавшись, когда взрывы снаружи стихнут, неуклюжая парочка двинулась к выходу.

Выбраться наружу оказалось делом не простым. Лестница вверх, из глубокого подвала была завалена обломками рухнувших стен, засыпанных снегом. На поверхность Эм и Наташа выползли тяжело дыша, набирая легкими морозный воздух. Эм метнулся куда-то влево, а девушка взобралась

на возвышающийся рядом пригорок.

Уже светало и сквозь рассеивающийся сумрак, Наташа увидела фантастическую картину – город, который она так ненавидела и любила лежал в руинах, на сколько хватало обозрения.

– Ух, ты! Красота какая! Прямо как взаправду! – В восхищении выдохнула девушка. – Как только сумели то? Наверное, это проекция? Точно! А иначе что это может быть? Никогда такого не видела. Пипец! Вот умеют же делать!

Эм из полумрака глухо подал голос:

– Неужели ты до сих пор мне не веришь?

– Сам-то как думаешь?

– А руины, а мороз?.. Ладно, спускайся. Аккуратно. А то провалишься куда – вытаскивай тебя потом.

Наташа спустилась с нагромождения кирпича разрушенной стены и подошла к копошащемуся парню, что-то делающему с...

Перед ней лежал человек. Замерзший труп в немецкой форме смотрел в никуда стеклянным взглядом. Штаны на нем отсутствовали, и вместо одной его ноги торчала оскобленная кость, а со второй соскабливал пленки застывшей плоти ее спутник – студент физмата Сталинградского университета, интеллигентнейший Эммануил.

Крови не было, и оттого абсурдность картины показалась

Наташе не настоящей.

«Бутафория, да, это бутафория», – зашептала отпрянувшая от места чудовищной экзекуции девушка, умом уже понимая, что этот труп, разрушенный город – все настоящее.

Вдобавок ко всему, вдалеке послышался, сквозь усиливающиеся взрывы, гул приближающихся самолетов. Эм быстро засунул оскобленное мясо в торбочку. Вскочив, прикрыл труп куском искореженной жести, схватил Наташу за рукав и потащил обратно к отверстию в подвал.

Наташа, словно в тумане, опустилась на гору матрасов, судорожно сдирая с себя обмотки. ЕЕ мутило. Девушка поняла, что за мясной супчик она только что с таким удовольствием умяла. Наташа метнулась к стене, упала на четвереньки, и ее обильно вырвало.

– Эй, ты что! Зачем еду-то переводишь?! Сегодня мы больше не будем есть! Слышишь? На целый день сейчас канонаду устроят. Это город утюжат. Наши фашистов выбивают. Они же не знают, что мы здесь! А нас еще много – живых сталинградцев – огромная часть города!

– Знают, – кашляя, Наташа снова плюхнулась на матрасы, укрываясь одеялом.

– Ты говоришь, как провокатор! Если бы наши знали, что мы здесь, то город бы не бомбили, а пытались его захватить.

– Так и пытались – много раз. Это каждый школьник в Волгограде знает. Нас этой историей военной просто за-

долбали в школе. Бросили вас тут на произвол судьбы.

– Как ты смеешь?!

– Не ори. Ты мне сам только что доказал, что я из будущего. Если тебе интересно – я могу много рассказать.

Эм сердито буркнул:

– Когда освободят Сталинград?

– Его уже освобождают на подступах. 20 января будет массированный штурм, а 1 февраля город освободят от фашистов... Только живых почти не останется...

Ей неожиданно стало стыдно – когда то набившее оскомину знание истории вдруг предстало перед ней ужасающей реальностью. И рядом стоял живой сталинградец из тех, выживших... или...

Парень тяжело засопел, сжимая кулаки:

– Надо что-то делать...

– Почему ты и многие тысячи горожан не эвакуировались?

– Многие работали на танковом заводе «Красный Октябрь». До последнего. Даже когда наши солдаты отстреливались из цехов завода, почти все еще оставались на местах. Я тоже руководил отправкой танка, когда налетели истребители и начали бомбить завод. Накрыло меня... Когда очнулся, никого не было – ни немцев, ни наших. Кругом трупы... Я кое-как в катакомбы сполз. Хорошо, что меня не ранило – так, контузило только.

– Так почему вас не эвакуировали?

– Ради победы.

– Ради победы – сотни тысяч советских людей заведомо бросили погибать? Не логично как-то. Ради чего?

– Мы делали для фронта танки и снаряды.

– Ага, а потом все погибли. Смысл?

– Во имя Родины! Во имя Сталина!

– А, может, лучше было во имя Родины жить, по дальше от боевых действий и сделать для нее еще очень много полезного и хорошего? Так ведь нет! Сталин решил угробить почти все население Волго... Сталинграда...

– Не смей! – Взвизгнул Эм. – Не смей трогать грязными руками чистое имя вождя, отца нашего народа! Или я тебя!.. – парень, вскочив, замахнулся на Наташу. Но девушка, не отшатнувшись, глядела на фанатика широко раскрытыми глазами:

– Что – «ты меня»? – Четко произнесла она. – Ну, вам мозги и промыли. Я, конечно, читала про советский фанатизм. Но чтобы до такой степени...

Парень, тяжело дыша, опустил руку.

– Я тебя по хорошему предупреждаю – не смей произносить имя Сталина в таком контексте.

– А то что? И это мне говорит человек, который поедает человеческое мясо?.. Хорошо, не буду.

Повисло долгое молчание. Эм взял паспорт девушки и долго рассматривал содержание документа. Наконец он

произнес:

– Я так понимаю, мы проиграли войну?

– С чего ты взял?

– Да вот, у тебя герб царский. И страна не Советский Союз, а Российская федерация. Что опять царя вернули? Или дворяне думские правят?

– Ой, Эм, за прошедшие годы столько всего произошло! Правит теперь нами президент. Но войну эту наша страна выиграла.

– Когда?

– Победа была... будет девятого мая сорок пятого.

– Что же так долго?! Еще же больше двух лет! Это провокация!

– Ты опять?

Снова тяжелая пауза.

– А Сталин? – Разжал зубы Эм.

– Ты уверен, что хочешь знать?

– Да, – процедил Эм.

– Сталин умрет в пятьдесят третьем. Перед этим сгноив тьму народа в концлагерях. Теперь его обвиняют в геноциде советского народа...

– Да я тебя, контра... – прошипел Эм, схватился за голову и, глухо ухая, затрясся, рыдая.

– Ты можешь на меня злиться, но я скажу. Во времена правления Сталина было истреблено бесчисленное количе-

ство не только русских, но и других народов СССР. И к двухтысячному году россиян оказалось столько же, сколько было до первой мировой – сто пятьдесят миллионов. А нас должно было стать, по расчетам Менделеева, более пятисот миллионов... А если ты так истерично воспринимаешь правду, то я тебе больше ничего рассказывать не стану.

Успокоившись, Эм пристально посмотрел на девушку:

– Возьми меня с собой, в свое время.

Наташа выпучила глаза:

– Ты что, издеваешься? Да я сама не знаю, как я сюда попала! И каким образом, как ты думаешь, я могу вернуться домой?

– Полагаю, что тем же путем, каким тебя забросило в прошлое. По теории вероятности.

Девушка встрепенулась:

– Ты серьезно? Ты что-то знаешь? Эм, миленький! Мне бы только выбраться отсюда!..

Неожиданно, стены подвала задрожали от прямых попаданий снарядов. Вой канонады начал закладывать уши. Эм что-то прокричал – по губам Наташа разобрала: «Надо уходить». Парень схватил ее за руку и потащил в заваленный хламом лаз, увлекая ее в катакомбы разрушенного города.

Часть вторая. Катакомбы

*Забыли о свете
вечерних окон,
задули теплый рыжий очаг,
как крысы, уходят
глубоко-глубоко
в недра земли и там молчат.
А над землею
голодный скрежет
железных крыл,
железных зубов
и визг пилы: не смолкая, режет
доски железные для гробов.*

Ольга Берггольц

В глубине катакомб шум от взрывов почти не был слышен, хотя древние стены сотрясались так, что Наташе казалось, что они вот-вот рухнут от старости. Но надо отдать должное зодчим, ушедшим в небытие – старая кладка сводчатого тоннеля надежно укрывала беглецов. Было даже намного теплее, чем на смертельно опасной поверхности. Керосиновый фонарь в руке Эма, освещал путь. Изредка коридор раздваивался и расстраивался, открывая зияющие темнотой пустоты неведомых коридоров. Но Парень вел Наташу четко по стрелкам на стенах, начертанных разноцветной краской.

Девушка широко раскрыв глаза неотступно шла за Эммануилом. Мало того, что она никогда не видела катакомбы, девушка даже не подозревала тех грандиозных масштабов расстояний, через которые они проходили. Это же целый подземный город! К тому же Наташа вдруг почувствовала острый приступ клаустрофобии. Вот чем она никогда не страдала, так это боязнью замкнутого пространства. Но ощущение того, что между ней и поверхностью пролегает целый разрушенный город, готовый, быть может, в любой момент рухнуть ей на голову, повергло девушку в шок и ее снова начало трясти. К тому же запах вокруг стоял еще тот – мерзкий, сладковатый, от которого Наташу стало мутить еще сильнее, чем от клаустрофобии.

Особенно тошнотворным запах тления стал возле одного ответвления коридора, из глубины которого слышались короткие глухие стоны. Девушка остановилась.

– Там умирающие, – угрюмо произнес Эм, – лекарств нет. Люди просто гниют, ожидая своей смерти. Тех, кто умер – выносят наверх – хорошо, что морозы сильные. Благодаря им и питаются выжившие. Каждую ночь трупы таскаем, иначе эпидемия начнется. Вот еду только отнесем, – он кивнул на торбу в руках Наташи, из которой на пыльный пол начала капать кровь размораживающегося мяса, – и за работу.

Парень в очередной раз свернул вправо, и перед спутниками открылось небольшое помещение, до отказа набитое сидящими и лежащими людьми в обмотках. Свод помеще-

ния возвышался на два с лишним метра. В нескольких конических нишах горели открытым огнем светильники. Смерд стоял невыносимый, но все же не гниющей плоти, а нечистой-плотной жизнедеятельности человека.

Люди почти не шевелились и от чего-то разговаривали шепотом. Увидев Эмма, несколько сидящих на ворохе тряпья женщин кряхтя, поднялись и, растянув на закопченных лицах что-то наподобие улыбок, принялись обнимать парня, со словами:

– Сыночек мой, мальчик мой! Вернулся, дитяtko мое. Уж и не чаяли...

Парень смущенно посмотрел на Наташу:

– Вот, подкрепиться вам принес.

Девушка поняла его взгляд и передала кровоточащую торбу женщинам, от чего те заохали с удвоенной силой:

– Кормилец ты наш!

Эм попятился, схватив за руку оцепеневшую Наташу, с трудом протиснулся сквозь причитающих, изможденных голодом, холодом и кошмарной антисанитарией женщин, выскочил назад, в коридор. Но женщины уже суетились над торбочкой, собираясь готовить чудовищный обед.

Наташа разлепила побелевшие от напряжения губы:

– Кто из них твоя мама?

– Никто. Мама погибла, как и сестра – еще до катакомб.

Не люблю к ним сюда приходить. У многих крыша съехала –

сыном своим считают на полном серьезе. Сегодня еще ничего. А так – тискают, нос вытирают... Жалко их до слез. Хотя, до сегодняшнего дня думал, что плакать разучился... Вот, еду им приносим. Таких, как я – много. Да и келий – тьма...

– Может, надо было больше наскрести мяса? – Наташа понимала всю чудовищность вопроса, и раньше от себя никогда бы не ожидала подобной тирады. Но теперь все было иначе, чем в той ее сытой и спокойной жизни.

Эм покачал головой:

– Нельзя. Передохнут все с голодухи от заворота кишок. Идем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.